

— Р А З У М Н И К —

МИР РУШИТСЯ.
НО КТО-ТО
ПРОДОЛЖАЕТ СМОТРЕТЬ.

ВЫЖИТЬ —
НЕ ЗНАЧИТ
БЫТЬ СВОБОДНЫМ.

ОСКОЛКИ НАС

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ

Разумник М

**Осколки нас. Под
наблюдением. Том 1**

«Автор»

2026

М Р.

Осколки нас. Под наблюдением. Том 1 / Р. М — «Автор», 2026

Вспышка — и мир потух. Томас Дойл, бывший пожарный, в день катастрофы выбрал спасать, а не бежать. Спустя месяц он держит общину на тысячу человек — без власти, без ресурсов, только воля и жёсткие правила. Этого едва хватает. Снаружи — фанатичная армия, группировки, от которых люди исчезают, и дроны, однажды уже вынесшие приговор человечеству. А ещё кто-то наблюдает. Тихо. Терпеливо. Не вмешиваясь — пока. Выжить — не значит быть свободным.

Содержание

Пролог. Начало конца	5
Глава первая. Лагерь.	10
Глава вторая. «Вы — разочарование».	16
Глава третья. Неизвестная угроза.	22
Г	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Разумник М

Осколки нас. Под наблюдением. Том 1

Пролог. Начало конца

02:20. 05 марта 2026 года. Лос-Анджелес.

— Внимание! Внимание!

— Срочная эвакуация. Сохраняйте спокойствие.

— Дети эвакуируются первы...

— Сохран... спокой...

Радио в депо разрывалось обрывистыми сообщениями — предсмертная насмешка от тех, кого уже пожирало пламя.

Город не просто разрушался — он летел в бездну. Город не просто кричал — он ревел. Но плач не мог потушить огонь, охвативший всё вокруг.

Томас стоял у окна, охваченный ужасом. В груди глухо стучало, левая рука подрагивала так сильно, что приходилось прижимать её к телу. Ноги еле держали. Он словно застыл в оцепенении.

Пожарная станция — его крепость, медленно превращалась в склеп. Место, ставшее вторым домом, исчезало на глазах.

Объятые пламенем вывески магазинов с грохотом падали на разбитый тротуар, увлекая за собой столбы. Машины врезались друг в друга, сминая людей, которые метались из стороны в сторону, отчаянно цепляясь за жизнь.

В воздухе, словно саранча, кружили сотни дронов-беспилотников, врезаясь во всё на своём пути: в стариков, в детей, в металл.

Среди хаоса внимание Томаса приковала маленькая девочка лет восьми. Она стояла неподвижно, сжимая куклу в руках. Ребёнок громко плакал, но в этом шуме никто её не слышал. Она отчаянно звала маму, которая была далеко.

Не раздумывая, Томас рванул к выходу, задев плечом Майкла.

— Куда?! — крикнул тот вслед, но голос утонул в мольбах тех, кто взывал к небесам о спасении.

Майкл знал друга: Томас не из тех, кто бежит от опасности. Любопытство заставило броситься его к окну. Взгляд быстро выхватил причину спешки: девочка всё так же стояла, прижимая к груди игрушку.

— Что там? — чья-то тяжёлая рука легла на плечо. Это был Ден.

Он подошёл сзади, вглядываясь в пылающий ад, пытаясь понять, куда помчался начальник.

Томас бежал, движимый лишь желанием успеть. Левая рука замерла, а сам он не столько бежал по ступенькам, сколько летел над ними.

Железная дверь распахнулась. В лицо ударил ветер, пропитанный гарью и тошнотворным запахом палёного мяса. Люди горели заживо в своих машинах, офисах и домах.

Томас лавировал между брошенным авто, уклоняясь от потока машин.

Вдруг раздался треск: бетонная плита с вершины здания начала обрушаться.

Девочка находилась как раз там, где осели обломки. Томас был слишком близко и одновременно бесконечно далеко.

Он замер: из-под плит вытекала свежая кровь, виднелась лишь маленькая детская ладошка, всё ещё сжимающая куклу.

Сердце колотилось в бешеном ритме. Левая рука вновь задрожала. Сделав пару шагов назад, он упал на колени, вдыхая густую пыль.

Он не успел.

Дыхание стало невыносимо тяжёлым.

Майкл, наблюдавший из окна, понял: девочки больше нет. Внутри пульсировала ярость, требующая выхода. Он решительно направился к выходу: *Я нужен другу.*

Ден проводил Майкла усталым взглядом. Одинокая слеза скатилась по его щеке и упала на пол. Он обернулся к пожарным.

Одни пожарные молча стояли, уткнувшись в пол. Другие сидели, качаясь взад-вперёд, словно безумцы. Третьи крепко сжимали телефон, судорожно пытаясь услышать на другом конце провода голоса своих любимых.

Майкл с грохотом распахнул дверь. В сантиметре от него пронеслась машина и врезалась в столб. Он задержал взгляд на авто, увидев какого-то мародёра, который открыв дверь машины, начал силой вытаскивать водителя.

Майкл, сжав в руке подобранный камень, бросился наперерез.

— Эй! — окликнул он агрессора и метнул камень.

Камень со свистом прилетел в голову. Тот пошатнулся от боли, схватившись за висок, но перед лицом уже возник кулак Майкла. Прямой в челюсть — нападающий рухнул на асфальт.

— С-спасибо... — прохрипел водитель.

— Езжай, — бросил Майкл и двинулся к Томасу.

Тот сидел неподвижно уже несколько минут, не замечая происходящего вокруг.

— Вставай, братец, — Майкл попытался поднять его. — Нужно уходить.

Вдруг совсем рядом раздались крики:

— Помогите! Люди!

Томас резко вскочил, оглядываясь.

— Слышишь? — он похлопал Майкла по плечу. — Пошли.

Ден, уже потерявший всякую надежду, увидел, как товарищи направляются к перевернутой машине.

Мужчина, зажатый в салоне, заметил пожарного, опустившегося на колени, и широко улыбнулся: внутри вспыхнула надежда.

— Боже, я услышан!

Томас молча осмотрел салон: нога придавлена, железный прут прошёл насквозь. Снаружи медленно приближался жёлтый отблеск пламени.

Пиздец, — подумал Томас, выбираясь наружу.

Мужчина вцепился в него:

— Не оставляй меня здесь. Прошу.

— Не оставим! — отрезал Томас.

Майкл понял: дело дрянь. Он начал размахивать руками, привлекая внимание Дена у окна, и сложил пальцы плюсом — знак острой необходимости в аптечке.

Ден всё понял мгновенно.

— Крис! — голос, казалось, прорезал пространство. — Большую аптечку. Живо!

Тот кивнул и бросился в подсобку.

— Вы, — Ден обвёл взглядом остальных пожарных. — Идёте за нами? Если нет — ваше право.

Крис вернулся с сумкой. Ден схватил её и молниеносно вылетел наружу.

Через мгновение за ним потянулись один за другим остальные. Всего девять человек последовали за ним.

Тридцать два — остались.

— Аптечка! — крикнул Ден, сокращая дистанцию. — Что там?

— Нога пробита, — бросил Томас, лихорадочно оценивая обстановку.

— Прорезать прут? — тихо уточнил Ден.

— Верно, — коротко отозвался Томас. — Несите болгарку, огнетушители, инструменты. Железо прошло насквозь.

Ден кивнул и бросился обратно к депо, откуда уже выбегали остальные.

— Огонь приближается, — глухо произнёс Майкл, накидывая плотную мокрую ткань на огонь.

— Не успеет, — отрезал Томас, опускаясь на колено.

Он встретился взглядом с мужчиной, чья улыбка сменилась гримасой ужаса.

— Мы тебя вытащим.

— Принесли! — прогремел голос Дена.

Пожарные доставили болгарку, гидравлические кусачки и огнетушители.

— Режем прут! — скомандовал Томас, подхватывая инструмент. — Майкл, туши пламя! Остальные — готовьте бинты!

— БЕРЕГИСЬ! — рявкнул Ден, со всей силы толкая Томаса в сторону.

Дрон.

Врезался в машину на предельной скорости. Пострадавший в машине успел лишь раскрыть рот в беззвучном крике.

ВЗРЫВ!

Ударная волна разметала людей, впечатав их в раскалённый асфальт.

Томас лежал, оглушённый, теряя связь с реальностью. Повернув голову, он заметил товарищей: кто-то стонал, кто-то оставался неподвижным.

Вокруг клубились дым и пыль.

Постепенно слух возвращался, а вместе с ним — отчаянный крик:

— Ден?! Ден!

Томас с трудом поднялся. Рядом с телом Дена суетился пожарный, пытаясь привести его в чувства. Томас рванул к ним, сорвал шлем, расстегнул куртку Дена, прижавшись ухом к груди.

Сердце застыло.

Ден мёртв.

В этот момент Томас услышал звук, который впоследствии будет преследовать его в каждом кошмаре.

Не крики и не взрывы.

Хруст. Громкий, сочный, отвратительный хруст.

Он обернулся. Огромный эвакуационный автобус, до отказа забитый людьми, пошёл на прорыв завала. Водитель на секунду помедлил, а затем втопил педаль газа, направляя многотонную махину прямо по телам лежавших на дороге.

Колёса проворачивались с тяжёлым чмоканьем, взметая фонтаны крови. Пальцы раздавленных судорожно дёргались в последних рефлексах. Человеческие черепа лопались под весом автобуса.

Глава первая. Лагерь.

09:13. 05 апреля 2026 года. В 5 километрах от Лос-Анджелеса в лесу.

Томас сидел в полумраке палатки, замерев перед грубо сколоченным столом. Его взгляд застыл на рамке с фотографией, стоящая на столе. Фотография покойной жены.

Мысли, как всегда, были весомее и плотнее окружающего воздуха — они давили на плечи, заставляя сутулиться.

Ева, моя дорогая Ева, как же мне тебя не хватает. Ты знала ответ на любой вопрос. Что мне нужно сейчас делать? Я устал. Очень сильно устал, любимая. Хочу к тебе, где бы ты ни была. Но надеюсь, ты там, где тебе хорошо.

Он медленно перевёл взгляд на край палатки. Плотная, пропахшая пылью ткань едва заметно колыхалась от сквозняка, издавая сухой, шелестящий звук, похожий на шёпот призрака.

Мир, который мы знали и любили — исчез, так просто, будто кто-то выдернул вилку из розетки.

В этот момент в палатку, отогнув край полога, ворвался резкий порыв тёплого ветра, принёсший с собой едкий запах горелой пластмассы, вездесущей пыли и застарелого дыма, который, казалось, теперь был вшит в самую атмосферу.

— Эй, братец, чего в темноте прячешься? — Голос, громкий и живой, буквально выдернул Томаса из размышлений.

Вместе с очередным потоком сухого воздуха в палатку шагнул крупный мужчина. Он привычным жестом щёлкнул выключателем, и слабый, желтоватый свет аккумуляторного фонаря рывком озарил тесное пространство, разогнав тени по углам.

— Охренеть ты нахмуренный... — Майкл прищурился, потирая затёкшую шею. — Скоро лоб в гармошку соберётся, Том. Так и застынешь.

Майкл медленно окинул взглядом палатку и иронично хмыкнул, качнув головой. В углу, на узкой армейской раскладушке, валялась смятая, серая от частых стирок простыня. На ящиках из-под боеприпасов и снаряжения громоздились стопки пожелтевшей бумаги. Отчёты о патрулировании, списки людей, списки припасов, карта города... Весь этот бумажный хаос казался живым организмом, который разрастался, отражая беспокойный разум своего владельца.

— Бардак у тебя знатный, командир. Что, решил открыть музей достижений апокалипсиса? — Майкл провёл пальцем по слою пыли на столе.

Томас со стоном выпрямился на жёстком стуле. Спина отозвалась резкой болью. Он выдавил слабую, едва заметную улыбку:

— Просто мысли, Майк.

— Да ты с ними не расстаёшься с самой катастрофы, — вздохнул Майкл, подходя ближе. От него пахло костром и оружейным маслом. — Давай, выкладывай, братец. Вижу же, что тебя распирает.

Томас помедлил, глядя на свои руки. Мысли снова тянули его вниз, в темноту, туда, где надежда казалась химической ошибкой мозга. Но он знал — Майкл не отвяжется. Этот парень умел быть невыносимо настойчивым, когда дело касалось его друга.

— Я думаю обо всём сразу, — глухо произнёс Томас. — О том, что именно с нами случилось. О том, что происходит в эту секунду за пределами наших стен. И о том, что ждёт нас завтра.

Улыбка мгновенно исчезла с лица Майкла. В его глазах блеснула сталь.

— Прошное сгорело, Том. Его не изменить, — твёрдо отрезал он, прислонившись мощным плечом к краю стола. — Настоящее — это вот эти стены, этот стол и мы с тобой. Мы здесь, мы дышим, мы всё ещё способны жить. Это уже немало.

Он бросил быстрый взгляд на разложенные бумаги, фыркнул, пытаясь вернуть беседе прежнюю лёгкость.

— А будущее... ждёт тебя в столовой, в виде группы новеньких.

Томас нахмурился, пытаясь сфокусироваться на реальности.

— Новенькие? Когда?

— Вчера. — Майкл по-свойски хлопнул его по плечу. — Я же тебе говорил.

— Чёрт, совсем вылетело из головы. Проклятая бессонница.

— Ну ничего, они тебя ещё не сожрали. Пока. Но если не поторопишься — могут передумать. Пошли.

Томас посмотрел на свой безымянный палец. Серебряное кольцо сверкнуло от луча солнца, проникшего внутрь его палатки. Он взял кобуру с пистолетом со своего стола, бросив взгляд на изображение своей жены.

— Каждый день смотришь? — Майкл тихо спросил, указывая на фотографию. — Она была добрая.

— Очень, — коротко бросил Томас, застёгивая кобуру на ремне. — Я их не смог спасти. — Томас взял в руку нашивку, на которой было написано: Ден Пол Младший.

— Это не твоя вина, братец. — Майкл хлопнул друга по плечу.

— Ты по поводу кого именно? — Томас посмотрел Майклу в глаза, держа в одной руке рамку, в другой — нашивку.

— По поводу обоих. — выдохнул Майкл, развернувшись к выходу.

Томас тяжело вздохнул, опустив рамку с нашивкой на стол.

Простите... — промелькнуло в его мыслях и он направился следом за Майклом.

Они вышли наружу. В лицо Томасу тут же ударил сухой, терпкий ветер. Он был пропитан гарью и чем-то неуловимым, горьким — то ли запахом бесконечного пепла, то ли призраком того старого мира, который умер так быстро, что даже не успел попрощаться.

Томас на секунду замер, оглядываясь вокруг. Лёгкая, почти невидимая улыбка тронула его губы — редкое явление для него в эти дни. Они действительно проделали огромную работу.

Высокая стена вздымалась над лагерем, отбрасывая на землю длинную, густую тень. Солнечный свет цеплялся за её неровные стальные листы, окрашивая их в тусклые медные оттенки. Основание из грубого бетона, укрепления из выкопанного металла и толстых брёвен. На вид — крепко, но насколько?

Внутри кипела жизнь. Ряды палаток, деревянные постройки, дым костров. И главный объект — бункер. Снаружи он казался лишь небольшим бетонным выступом, но Томас знал, как глубоко его коридоры вгрызаются в землю. Если стена однажды падёт, это место станет их последним убежищем. Или их общей могилой.

Майкл оглянулся, заметив, что Томас снова «отключился», погружившись в свои мысли. Он хмыкнул, подошёл ближе и тяжело хлопнул друга по плечу.

— Только глянь... — Майкл медленно повёл рукой, указывая на сектора. — Лазарет, стрельбище, склады, вон там — место отдыха.

Он широко улыбнулся, но в углах глаз залегла глубокая усталость.

— Мы построили это с нуля, братец. Чистый грёбаный ноль.

Томас едва заметно кивнул, не отрывая взгляда от ворот.

— Да... Но работы ещё много. — Он указал подбородком на вышки. — Их нужно закончить. Как можно скорее.

— Ясен хрен, — фыркнул Майкл. — Работы всегда будет дохрена. Но, знаешь... хоть раз можно было бы взять грёбаный выходной.

Он усмехнулся собственной шутке, но тут же махнул рукой, обрывая секундную слабость.

— Ладно, пошли.

Они двинулись дальше, пересекли утоптанную площадь лагеря и вышли к стоянке. В ряд стояли пара фургонов, несколько легковых машин... и огромный красный корпус.

Майкл внезапно остановился. Его лицо застыло.

— Эх... Помнишь?

Томас шагнул ближе. Его взгляд скользнул по знакомым очертаниям пожарной машины. Красная краска облупилась, обнажая ржавое «мясо» металла.

— Конечно, — глухо ответил Томас.

— Будто это было вчера... — Майкл провёл мозолистой ладонью по капоту, задумчиво покачал головой. — Помню каждую секунду. Твои действия. Помню тот день. Начало конца.

Томас медленно выдохнул.

— Да...

— Ты внатуру был героем в тот день, братец.

Томас сжал челюсти.

— Мы, — отрезал он.

Томас перехватил руку Майкла чуть выше запястья и грубо провёл пальцами по старому, неровному шраму, который белел на смуглой коже.

— Видишь это? Мы, Майк. Не я.

Майкл на секунду задержал взгляд на шраме — немом напоминании о том аде. Его ухмылка стала чуть мягче, серьёзнее.

— Ладно... Мы.

Он хлопнул Томаса по плечу, вырывая его из оцепенения, и махнул рукой в сторону построек:

— Пошли. Хватит на сегодня призраков.

— Ну что, вот и он! — Майкл с грохотом распахнул двери столовой.

Томас шагнул внутрь, и на него тут же обрушилась тишина ожидания.

Помещение напоминало захудалое летнее кафе из прошлой жизни: длинные деревянные столы, дешёвые пластиковые стулья, тусклый, подёргивающийся свет ламп. За одним из столов в центре сидели новенькие. Тринадцать человек. Мужчины, женщины, пара подростков. Разные лица, разные судьбы, но одно общее — серая пыль дорог на одежде и робкий проблеск надежды в глазах.

Когда Томас вошёл, в зале стало ещё тише. Кто-то несмело улыбнулся. Они смотрели на него так, будто перед ними стояла легенда. Человек, который не просто выжил, а построил этот остров безопасности в океане пепла.

Томас выдержал паузу, обводя их взглядом.

— Приветствую.

Голос прозвучал твёрдо, без лишних эмоций. В ответ послышались нестройные «здравствуйте», кто-то просто кивнул, не в силах оторвать взгляда от его лица.

— Меня зовут Томас Дойл. Для друзей — Том. — Он указал на Майкла, который уже подпирал плечом дверной косяк. — А это Майкл Грин. Вы его уже знаете.

Майкл коротко ухмыльнулся и небрежно махнул рукой.

— Добро пожаловать в ваш новый дом.

В глазах людей на мгновение вспыхнула искра — настоящая, живая. Томас почувствовал это, но не дал им долго греться в иллюзиях.

— У нас есть правила, — продолжил он, и его голос стал холоднее. — Важные. Чёткие. Без них мы превратимся в сброд. Мы не выживем без порядка.

Он взял со стола вскрытую бутылку воды, сделал пару жадных глотков, чувствуя, как влага смывает горечь из горла.

— Полный список правил получите у Майкла. Читайте внимательно. Там указаны не просьбы, а основы нашего выживания.

Томас снова обвёл взглядом их лица, проверяя, доходит ли до них смысл сказанного.

— А теперь — главное. — Он сделал паузу, усиливая напряжение. — Первое: уважение и взаимопомощь. Мы здесь не просто группа людей. Мы — семья. Если один падает, другой подставляет плечо. Без вариантов.

Люди слушали, боясь пошевелиться.

— Второе: запасы. Нас — тысяча с копейками. Еды больше не становится.

Кто-то тяжело сглотнул, женщина в первом ряду крепче прижала к себе сумку.

— Два приёма пищи в день. Порции фиксированные. Этого должно хватить.

Люди переглянулись.

— Воровство еды у своих — это предательство семьи, — голос Томаса стал жёстким, как удар молотком. — За это — карцер. Без поблажек и исключений. Подробности Майкл объяснит позже.

И вдруг...

Крики.

Сначала они были приглушёнными, доносились откуда-то со стороны ворот. Но с каждой секундой они становились ближе, громче, перерастая в общий многоголосый гул.

— Томас.

— Где Том?! Командира сюда!

— ТОМ! ВСЕ К ВОРОТАМ!

— ОН ВЕРНУЛСЯ!

Томас сорвался с места прежде, чем Майкл успел что-то спросить. Он выскочил из столовой, едва не сорвав дверь с петель.

Снаружи его встретил порыв ветра, пахнувший свежей гарью. Люди сбегались со всех сторон, бросая работу. Кто-то дрожал, кто-то в ужасе прикрывал рот руками, кто-то бежал, спотыкаясь и выкрикивая что-то невнятное.

Томас замер посреди площади. Сердце глухо, с перебоями стучало в рёбра.

Вернулся, — единственное, что было в его мыслях.

Глава вторая. «Вы — разочарование».

11:02. 05 апреля 2026 года. В 5 километрах от Лос-Анджелеса в лесу.

Вернулся...

Это слово застряло в голове Томаса.

Мир вокруг мгновенно сжался в одну точку. Крики людей превратились в невнятный гул, доносящийся из-под воды. В ушах свистел лишь ветер, пробирающийся сквозь острые края руин. Где-то с противным лязгом захлопнулась жёсткая дверь, чей-то сдавленный голос сорвался на хриплый плач. Паника затапливала лагерь, как прорвавшаяся плотина, но Томас ощущал нечто гораздо более сильное и холодное.

Он видел его.

В воздухе, метрах в трёх от земли, парило Нечто. Серебристое. Абсолютно безмолвное. Чужеродное. Оно медленно вращалось вокруг своей оси, словно невидимый палец лениво помешивал само пространство. Оно не летело — оно присутствовало, дразня и изучая.

Дрон.

Томас моргнул, и реальность с грохотом обрушилась на него: хаотичная суета, лязг металла, гул панических голосов. Запах пота, старой гари и машинного масла стал невыносимо острым. Влажный, пахнущий ржавчиной ветер скользнул по коже, заставляя волоски на руках встать дыбом.

Майкл что-то надсадно кричал, хватал его за плечо, пытаясь удержать, но Томас уже двигался вперёд. Его ноги сами вели его к воротам.

Люди лавиной выплёскивались из бункера и палаток. Новость облетела лагерь быстрее лесного пожара. Одни лихорадочно шептали молитвы, другие захлёбывались проклятиями, сжимая в руках обрывки арматуры.

Томас ускорил шаг, расталкивая толпу. Теперь он видел объект чётко.

Гладкий, лишённый швов корпус, несколько тонких игл-антенн, тусклый, на идеальной металлической поверхности. В этом устройстве не было ничего от привычной человеческой техники. Оно выглядело... слишком правильным для этого искаленного мира.

Холодный пот тонкой струйкой стекал по спине Томаса, заставляя одежду липнуть к телу.

— Назад! Всем отойти за укрытия. — Его голос прозвучал резко и властно, заставив людей вздрогнуть.

Толпа колыхнулась. Подчиняясь инстинкту, люди начали пятиться, прячась за ржавыми контейнерами, остовами машин и штабелями досок. Они не сводили глаз с серебристого дрона, словно ожидая, что в любую секунду из него вырвется смерть.

Томас сделал ещё один шаг вперёд. Воздух вокруг дрона вибрировал. Пахло озоном, горячим металлом и тем самым «сухим электричеством» — запахом, который бывает перед мощной грозой.

Он быстро, профессионально осмотрел дрон со всех сторон. Никаких пулемётных турелей. Никаких подвесов для ракет. Ни единого видимого орудия. Это не была машина для убийства. По крайней мере, не в привычном смысле.

И вдруг дрон «ожил».

На его безупречном корпусе, один за другим вспыхнули зелёные огни. Они не горели ровно — они пульсировали, напоминая огромные, внимательные глаза хищного насекомого.

А затем раздался голос.

В нём не было ни помех, ни механического скрежета. Он был совершенным. Пугающе чётким. Безупречно ровным, лишённым даже намёка на человеческую интонацию или сомнение.

— Доброго времени суток, остатки человечества. Данный лагерь, в количестве тысячи двести пятнадцати человек.

Толпа содрогнулась, как один живой организм. Это пугающее знание точных цифр действовало лучше любой угрозы.

— Разрешите представиться. Моё кодовое имя — Смерть.

Это не был голос в привычном понимании. Это был безупречно отлаженный механизм. Не речь — чистый, лишённый помех алгоритм. В этих звуках не было ни капли агрессии, ни тени угрозы. Только холодный расчёт. Только пугающая, стерильная ясность.

— Мой Создатель отправил меня с вестью. — Короткая, техническая пауза. — Моя задача — донести её до вас. У вас есть вопросы? Задавайте. Нет вопросов? Сожалею.

Из глубины толпы, из самой гущи страха, вылетел камень. Он со свистом пронёсся в сантиметре от серебристого корпуса и с глухим стуком ударился о бетонное основание стены.

Чей-то сорванный, захлёбывающийся голос прохрипел:

— Заткнись. Заткнись, мразь!

Томас резко обернулся, его взгляд, острый и тяжёлый, мгновенно нашёл крикуна в толпе. Тот, поймав взгляд Томаса, сразу осёкся, вжал голову в плечи и попытался раствориться среди других людей.

Дрон даже не качнулся. Он не зафиксировал атаку, словно брошенный камень был для него не важнее упавшего листа.

— Знание — сила. Разве в ваших книгах написано иначе? — продолжил он тем же ровным, металлическим голосом.

Наступила мёртвая, вакуумная тишина. На лицах людей, освещённых солнцем, застыл первобытный ужас.

— Создатель долго наблюдал за вами. Он надеялся. Он ждал. Он верил.

Снова пауза. Тяжёлая, как могильная плита.

— Создатель сделал окончательный вывод: вы — разочарование.

Толпа замерла, боясь даже дышать.

— Вам был дан уникальный шанс. Ваши страны, породившие войны, уничтожены. Ваша прогнившая система — разрушена. Ваши слабости стёрты в пыль вместе с вашими городами.

Дрон медленно повернулся, сканируя заставших людей зелёными огнями.

— Создатель верил, что вы воспользуетесь этим горьким даром. Что вы станете лучше. Что начнёте всё заново — без вашей вечной алчности, без тяги к убийству, без парализующего страха перед будущим.

Тишина стала почти физически ощутимой.

— Вы доказали, что он ошибался.

И тут плотину прорвало. Началась паника — дикая, неуправляемая. Кто-то бросился бежать, спотыкаясь о собственные ноги; кто-то в отчаянии закрыл лицо руками, рухнув на колени; кто-то зарыдал в голос, оплакивая последнюю надежду. Одни оцепенели, превратившись в статуи, другие судорожно хватались за ножи и обломки труб. Третьи готовы были пасть и молиться самому дьяволу, лишь бы этот голос замолчал.

Но дрон продолжал вбивать слова, как гвозди в крышку гроба:

— Вы — слабый, самовлюблённый и абсолютно ничтожный вид. Ваши инстинкты примитивны. Ваши разногласия жалки. Ваша способность к адаптации признана неэффективной.

Каждое слово било наотмашь.

— Глубокий анализ показал: без жёсткого внешнего контроля ваша цивилизация деградирует в считанные месяцы. Вы не способны на истинную эволюцию. Вы — всего лишь вирус, медленно пожирающий мир, который вас породил. Создатель совершил ошибку, полагая, что в вас ещё остался потенциал.

Толпа дрожала. Люди жались друг к другу, охваченные коллективным кошмаром.

— Но есть и хорошая новость...

ХЛЁСТКИЙ ВЫСТРЕЛ.

Дрон резко дёрнулся в воздухе, его серебристое тело пробил пуля девятого калибра. Из корпуса брызнули ослепительно-белые искры. Раздался сухой электрический треск, и машина с глухим ударом рухнула на истоптанную землю.

Он не успел договорить. Его «хорошая новость» осталась лежать в пыли вместе с покорёженным металлом.

Томас медленно, почти механически, опустил пистолет. Ствол ещё дымился. Гнев бешено пульсировал в висках, а в груди горело холодное пламя. Но он был лидером. Он не имел права на слабость.

Я сделал это? Но почему? Гнев или дикий страх? Или просто отчаяние? Чёрт, что я наделал? Мы обречены? Нет, нет! Мы будем бороться! Я буду бороться до последнего патрона!

Толпа на мгновение замерла, а затем взорвалась криками. Люди металась, не понимая, что делать дальше. Томас, не тратя времени, взбежал на возвышенность у штабного контейнера.

— СТОП! — надрывался он, но его крик тонул в волнах паники. Люди не слышали его, ослеплённые страхом и звоном в ушах.

— Томас! — Голос Майкла прорезал шум.

Томас резко развернулся на пятках. В воздухе, описывая дугу, к нему летел тяжёлый предмет. Томас вскинул руку и на лету поймал его.

Микрофон. Старый, потёртый, соединённый длинным кабелем с колонками на штабном контейнере.

Ещё мгновение на вдох — и он рывкнул в сетку микрофона так, что динамики отозвались болезненным свистом:

— ВЫ БОИТЕСЬ?!

Гул голосов начал оседать. Люди замирали, оборачиваясь на звук.

— Отлично! Вам страшно?! Прекрасно! Это значит, что мы ещё живы.

Кто-то окончательно замолчал. Сотни глаз уставились на него.

— Знаете, что я скажу? К чёрту страх! К чёрту эту железяку в пыли! — Он указал на обломки дрона. — Он пришёл в НАШ дом. Он пришёл сюда угрожать нам. Нам — тем, кто выжил там, где боги отвернулись!

Томас с силой стиснул кулак, чувствуя, как ногти впиваются в ладонь.

— Кто они такие, чтобы решать за нас?! Кто дал им право вешать, что мы обречены? Они уничтожили наш мир, превратили города в кладбища, а теперь хотят лишить нас последнего — нашей воли?!

Пауза. Тишина на площади стала звенящей.

— Нет, — его голос стал тише, но в нём зазвучал металл. — Мы не дадим им этого удовольствия.

Толпа замерла, ловя каждое слово.

— Не зря мы вгрызались в эту землю и строили стены. Не зря мы делили последний кусок хлеба и вытаскивали друг друга из лап смерти. Мы держимся не потому, что это легко. А потому, что мы — люди.

Он медленно перевёл взгляд на край возвышенности. Там, у самой стены, стояла маленькая девочка. Она выглядела совсем крошечной на фоне стальных укреплений. В руках она до боли сжимала старого, потерявшего один глаз игрушечного медведя.

Томас указал на неё свободной рукой.

— Вот наше будущее. И я не позволю какому-то алгоритму сказать мне, что у неё нет шанса.

В толпе кто-то до хруста сжал кулаки. Женщина рядом с девочкой вытерла слёзы, расправив плечи. В глазах мужчин, ещё минуту назад бежавших к бункеру, зажглась опасная уверенность.

— Если мы сдаёмся сейчас, в своих мыслях — значит, мы уже мертвы. Значит, дрон был прав.

Он обвёл взглядом всё это море измученных лиц.

— Но пока мы дышим... пока мы способны держать оружие и подставлять плечо ближнему — нас не победить.

Томас сделал глубокий, жадный вдох.

— И если они вернуться... — Он выдержал паузу, чувствуя, как энергия толпы концентрируется на нём. — Мы встретим их не молитвами и не дрожащими ногами.

Он почти до хруста сжал корпус микрофона.

— **МЫ ВСТРЕТИМ ИХ ЯРОСТЬЮ!**

Толпа взорвалась. Это был не просто крик — это был рёв раненого, но не сломленного зверя.

Аплодисменты, выкрики, сотни кулаков, взметнувшихся к небу. Томас видел, как в людях просыпается огонь. Вера и отчаянная надежда на то, что они ещё могут побороться за своё право существовать.

А внутри...

Внутри самого Томаса было холодно и пусто. Он смотрел на ликующих людей и понимал, что сам варит в свои слова гораздо меньше, чем те, кто сейчас готов за него умереть.

Глава третья. Неизвестная угроза.

13:12. 06 апреля 2026 год. В 5 километрах от Лос-Анджелеса в лесу.

— Вот он, настоящий мужчина... — протянула Ребекка, мечтательно глядя в потолок столовой.

— Вчера к нам прилетела хрен знает какая серебристая железяка и пообещала всем могилу, а ты всё о мужиках? — Мила, не оборачиваясь, покосилась на подругу, с трудом сглатывая очередную ложку вязкой каши. — Ты серьёзно, Бекка?

— А что? — Ребекка вызывающе пожала плечами, поправляя выбившийся локон. — Жизнь продолжается, пока мы дышим.

Мила выдержала долгую паузу. Она медленно отложила жестяную ложку, прищурилась и, встретившись с девушкой взглядом, тихо, но чеканно произнесла:

— Мы здесь новенькие. Мы пришли всего два дня назад. Вчера появилась эта чёртова штуковина и чуть не свела всех с ума. Будь серьёзнее, пожалуйста. На кону наши шкуры.

Наступило тяжёлое молчание. В столовой слышалось только мерное позвякивание ложек о края алюминиевых мисок и приглушённые чавкающие звуки — люди ели быстро, словно опасаясь, что еду могут отобрать. В воздухе стоял плотный, тошнотворный запах дешёвой вареной крупы, сдобренной какими-то резкими химическими приправами, которые должны были заглушить вкус залежалого зерна.

— Мила, правильно? — Ребекка нарушила тишину, продолжая невозмутимо жевать.

— Я поражена, что в твоей голове нашлось место для моего имени, — Мила слегка приподняла брови в ироничном жесте.

Ребекка тихо усмехнулась, доскребла остатки каши и тяжело вздохнула, откинувшись на спинку шаткого пластикового стула:

— Ну блин, Мила, серьёзно. Не мужик, а мечта. Ты видела, как он вчера стоял на том контейнере? Как он заткнул эту жестянку?

Мила прищурилась, в её глазах мелькнул профессиональный интерес — сказывались годы службы.

— Ты реально так горишь? Ладно, выкладывай. Кто твоя «мечта»? Томас?

— Томас. Он... — Ребекка на секунду закусила губу, подбирая слова, и её взгляд на мгновение стал мягче. — Он сильный. Мужественный. От него даже за километр несёт харизмой и какой-то дикой уверенностью. Такие не ломаются.

Мила демонстративно закатила глаза, но в уголках её губ всё же дрогнула едва заметная усмешка.

— Харизмой, значит... — Она отодвинула пустую тарелку, по которой размазались серые остатки завтрака. — А ты о работе подумала, харизматичная наша? Майкл сказал, что когда вернётся с вылазки, будет распределять нас по секторам. Всем найдётся дело, и боюсь, оно тебе не понравится.

— Ой, да какая разница, — легкомысленно отмахнулась Ребекка. — Руки есть, ноги на месте — работа будет.

— А если спросят, что ты умеешь? Кроме как на мужиков заглядываться с открытым ртом? — Мила подалась вперёд, внимательно глядя на собеседницу.

Ребекка фыркнула, но в глазах мелькнула тень раздумья.

— Ну... я флористом работала. Свадебные букеты, интерьерные композиции, подбор оттенков... — Она грустно усмехнулась. — Только вряд ли в этом выжженном мире кому-то нужны клумбы.

— А я в полиции работала, — тихо, почти шёпотом сказала Мила. — Опер. Пять лет в убойном.

Ребекка удивлённо присвистнула, по-новому глядя на свою недавнюю знакомую.

— Ничего себе... И что теперь? Будешь тут местных преступников ловить? Между палатками патрулировать?

Мила посмотрела на неё абсолютно серьёзно, без тени иронии.

— Грязь и преступники есть везде, Бекка. Даже в таком «святом» месте. Особенно там, где людям нечего терять.

На секунду в воздухе повисло неуютное напряжение. Ребекка первой отвела взгляд, не выдержав тяжёлого взора бывшего опера.

— Ладно, проехали. — Она потянулась, заставив суставы хрустнуть. — Всё равно нас, скорее всего, на кухню определяют или грядки копать в поле.

— Может быть. — Мила не стала спорить. — Сколько ему, кстати? Твоему герою?

— Томасу? — Ребекка мгновенно оживилась, на лице снова заиграла улыбка. — Ну, на вид лет тридцать пять, может сорок максимум. Самый сок.

— А тебе? Двадцать?

— Двадцать пять вообще-то! — возмутилась Ребекка.

— Ну и вот. Для него ты — восторженная малолетка, у которой ещё ветер в голове не утих.

— Ой, иди ты, — беззлобно отмахнулась девушка, поднимаясь из-за стола.

— Десять-пятнадцать лет разницы в наше время — это не приговор.

Ребекка вышла из столовой, щурясь от яркого полуденного солнца. Она поправила помятую кофту, огляделась. Вокруг, несмотря на вчерашний шок, кипела лихорадочная работа.

Массивные стены лагеря внушали уважение — трудно было поверить, что эта орава из тысячи человек возвела их всего за месяц. Теперь укрепления доводили до ума: на гребнях стен уже всюю монтировали смотровые вышки, мужики устанавливали хитроумные ловушки, а инженерная группа пыталась собрать из обломков некое подобие зенитных орудий и глушилок для защиты от дронов.

Лагерь напоминал растревоженный муравейник. Одна группа уходила за ворота на старых грузовиках за ресурсами, другая — на окраине возводила каркасы для будущей фермы. Третьи, во главе с угрюмым инженером, по локоть в масле реанимировали старый транспорт. Четвёртые мастерили тележки. Никто не бездельничал. Речь Томаса вчера сделала своё дело — она выжгла в людях парализующий страх, заменив его злой жадной деятельностью.

Ребекка медленно пошла по лагерю, внимательно заглядывая в каждое лицо. Она искала его.

Наконец, она вышла к восточному участку стены и увидела высокую смотровую вышку. Возле её основания, склонившись над какими-то чертежами, стоял Томас. Сердце девушки предательски ёкнуло. Она уже сделала шаг к нему, на ходу придумывая предлог для разговора, но опоздала.

Томас наблюдал за работой людей, но чувствовал, как внутри, подобно сорняку, разрастается тугое, горячее напряжение.

За последние сутки к нему подходило слишком много людей. Слишком много глаз, полных немного вопроса. Все говорили о дроне. О том, что этот серебристый ублюдок не успел договорить. О страхе, который теперь невидимой тенью лёг на лагерь, отравляя даже те крохи надежды, что им удалось собрать.

Поэтому, когда за спиной раздались мягкие, быстрые шаги, плечи Томаса невольно одеревенели. Он ждал очередного вопроса, на который у него не было ответа.

— Ты меня ищешь? — спросил он, не оборачиваясь, глядя на то, как солнце бликует на колючей проволоке.

— Да, — голос был негромким, но уверенным. — Но не из-за дрона.

Томас шумно выдохнул, чувствуя, как немного отпускает затылок, и только тогда обернулся.

Перед ним стояла Элизабет. Её светлые волосы, выбившиеся из-под тугой резинки, казались почти сияющими в лучах полуденного солнца. В её улыбке, вопреки всему, не было ни

фальшивого оптимизма, ни паники — только что-то тёплое, человеческое. То, чего Томасу сейчас не хватало больше всего.

Она выдержала паузу, словно давая ему возможность сбросить маску командира.

— В чём дело? — спросил Томас, безуспешно пытаясь скрыть глубокую, вьевшуюся в кости усталость.

— Виктор. Тебе нужно с ним поговорить. Прямо сейчас.

— Что-то случилось? Опять стычка в очереди?

— Сходи, Том. Увидишь сам.

Томас внутренне подобрался. Если Элизабет, которая обычно сама разрешала большинство бытовых конфликтов, пришла к нему — значит, ситуация вышла из-под контроля.

— Том, если тебя всё ещё гложет этот инцидент с дроном... я рядом, — тихо добавила она, коснувшись его рукава.

Он едва заметно улыбнулся.

— Было бы неплохо. Позже. А сейчас — Виктор. Пойдёшь со мной?

Она кивнула.

Они двинулись через лагерь в сторону медицинского сектора. Мимо, едва не задев Томаса плечом, прошла Ребекка. В её взгляде, направленном прямо на него, читалась странная, почти пугающая настойчивость.

— Добрый день. Вы...? — Томас притормозил, инстинктивно считывая новое лицо.

— Ребекка, — быстро отчеканила она, мгновенно расплывшись в обаятельной улыбке.

— Приятно познакомиться. Вы из тех, кто прибыл позавчера, верно?

— Ага. Именно.

— Это Элизабет, она отвечает за логистику и припасы.

— Привет, красотка! — весело бросила Элизабет, пытаясь разрядить обстановку.

— Привет... — Ребекка ответила сухо, почти не глядя на Элизабет. Её глаза были прикованы к Томасу.

— Хотели что-то спросить? — Томас уже сделал шаг вперёд.

— Да... Я хотела обсудить...

— Позже, — мягко, но категорично перебил её Томас. — Сейчас срочное дело. Я сам тебя найду. Договорились?

Ребекка чуть склонила голову. В её глазах на мгновение мелькнул странный блеск, но она молча кивнула и отошла.

Лазарет.

Здесь воздух был другим — густым, липким, неподвижным. Запах застарелого пота, несвежей крови и резкий, бьющий в нос аромат дешёвых антисептиков мгновенно осел на языке.

Половина коек была занята. Кто-то лежал неподвижно, уставившись в серый брезент потолка пустым взглядом. Кто-то метался в лихорадке, бессвязно бредя о доме. В дальнем углу мужчина кашлял — надрывно, со свистом, захлёбываясь в собственной мокроте.

Медики бегали между рядами, как тени. Один, с серым лицом, перебинтовывал рваную рану на ноге бойца. Другой судорожно наполнял шприц, и Томас заметил, как его пальцы мелко дрожат, выбивая пузырьки воздуха. Третий стоял у стола, до белых костяшек сжимая абсолютно пустой пузырёк из-под морфия.

Виктор стоял у койки в самом центре. Его спина была напряжена до предела, лицо казалось высеченным из камня. Томас шагнул ближе, а Элизабет осталась у входа, чувствуя, как внутри нарастает тревога.

— Друг, как ты? — спросил Томас, стараясь придать голосу хотя бы тень дружелюбия.

— Никак, — бросил Виктор, даже не повернув головы.

— Воу, полегче, приятель. Чего такой резкий? — Томас попытался усмехнуться, но в его взгляде уже вовсю сквозила настороженность.

Виктор развернулся так резко, что Томас невольно качнулся назад. Глаза доктора горели нездоровым, лихорадочным блеском.

— Ты серьёзно? — голос Виктора был хриплым, надтреснутым. — Только что, вот здесь, на моих руках умер человек. А ты заходишь и спрашиваешь, как у меня, чёрт возьми, дела?!

В углу снова раздался тот же надрывный кашель.

— У нас нет антибиотиков, Томас! Нет нормального оборудования! Людидохнут от элементарного заражения, как мухи на морозе! — Виктор скривился, с силой сжав кулак так, что костяшки побелели. — А ты приходишь сюда со своими дежурными вопросами!

Наступила гулкая, давящая тишина. Слышно было только тяжёлое дыхание раненых.

Томас молча смотрел на него несколько секунд, впитывая эту ярость. Затем тихо выдохнул и отвернулся. Он понимал, что слова здесь бессильны. Перед тем как выйти, он на мгновение положил руку на плечо Элизабет и негромко произнёс:

— Позже...

Не дожидаясь ответа, он быстро покинул лазарет. Ему нужно было вдохнуть свежего воздуха, каким бы вонючим тот ни был.

Элизабет медленно подошла к Виктору. Она осторожно, почти невесомо обняла его со спины, пытаясь передать хоть каплю своего спокойствия.

Он не оттолкнул её. Но и не обнял в ответ. Его тело осталось жёстким, как кусок гранита. Объятие было мёртвым, лишённым даже малейшего намёка на ответное тепло.

Элизабет почувствовала это каждой клеточкой своего тела, но не подала вида.

— Давай я помогу, — прошептала она, отстраняясь. — Просто скажи, что делать.

Она начала машинально собирать разбросанные по столу инструменты, потянулась за влажным полотенцем, чтобы вытереть кровь с рук Виктора...

Но он вдруг резко отпрянул, словно её прикосновение его обожгло.

— Зачем ты привела его, Лиз? — глухо спросил он, глядя в стену.

Она не успела открыть рот.

— Зачем?! — его голос сорвался на крик, полный боли и раздражения. — Зачем ты его притащила?! Какого чёрта ты вообще сюда лезешь?!

Он шагнул к ней, нависая своей массой.

— Постоянно ложишься под руку, трогаешь то, в чём не смыслишь, мешаешь работать! — Его дыхание стало рваным, он почти захлёбывался словами. — Чего ты от меня хочешь?!

Его слова резали воздух, били наотмашь. Элизабет судорожно сжала в руках полотенце, чувствуя, как пальцы леденеют. Она не стала оправдываться. Не стала кричать в ответ. Её взгляд оставался спокойным, но глубоко в глазах что-то окончательно надломилось. Она аккуратно, почти торжественно положила полотенце на край стола.

Она понимала, что Виктор доведён до предела, что это говорит его истощение... и в то же время она чувствовала, что в нём проснулось что-то чужое. Что-то холодное и тёмное, чего раньше не было. И это пугало её больше, чем угрозы дрона.

Элизабет быстро вышла из лазарета. Она жадно глотнула воздух, не замечая привкуса гари.

Девушка почти бежала через лагерь, огибая палатки и группы людей. Дойдя до холодной, шершавой стены бункера, она прислонилась к ней спиной, пытаясь унять дрожь в коленях. Медленно сползла вниз, на холодную землю.

И только здесь, в тени бетона, где её никто не мог видеть, она позволила себе сорваться. Слезы хлынули сами собой — злые, горькие слёзы бессилия.

Мимо неё прошёл мужчина, но, сделав пару шагов, резко остановился. Для этого места плач не был чем-то из ряда вон выходящим — здесь оплакивали прошлое каждый божий день. Но он узнал этот голос. Увидеть Элизабет, всегда собранную и спокойную, в таком состоянии — это было сродни трещине в самом основании лагеря.

Мужчина подошёл ближе и тяжело присел на корточки рядом с девушкой.

— Эй, принцесса, ты чего? Что стряслось? — Ричард склонил голову набок, заглядывая ей в лицо. — Кто тебя так зацепил? Давай, показывай гада, сейчас вдвоём навалием. Популярно объясним человеку, что так делать не стоит.

Элизабет подняла голову. Лицо было мокрым, губы всё ещё мелко дрожали, а в глазах застыла невысказанная обида. Она судорожно выдохнула, пытаясь взять себя в руки.

— Неважно... правда, Ричард. Просто... поддалась эмоциям. Накрыло немного. — Она слабо, вымученно улыбнулась, размазывая слёзы по щекам. — Это же нормально, да? В нашем-то положении?

Ричард ухмыльнулся, понимающе кивнув. В его взгляде не было жалости, только суровое мужское сочувствие.

— Нормально, принцесса. Плакать — не страшно. Страшно — когда уже не можешь. А то я уже грешным делом подумал, что мне придётся прямо сейчас идти и выбивать извинения из какого-нибудь наглого бедолаги.

Элизабет коротко усмехнулась, и этот слабый звук означал, что ледяное напряжение внутри неё начало подтаивать.

— Спасибо... Всё в порядке, правда. Не переживай, — тихо сказала она, хотя голос всё ещё предательски вибрировал.

Их разговор оборвал резкий, переходящий в визг скрежет металла. Лагерь вздрогнул — это тяжёлые створки ворот, лязгая цепями, начали расходиться. Группа «Поиск» вернулась.

Но триумфа не было. В проём ворот входила едва ли треть состава. Вид у них был жуткий: закопчённые, в разорванной одежде, с лицами, на которых застыл серый налёт поражения. Майкл шёл первым, согнувшись под весом раненого, которого тащил на плечах. Его напарник, едва переставляя ноги, волочил по земле ещё двоих.

— Помогите! — Голос Майкла, всегда уверенный и громкий, сейчас звучал надрывно, на грани хрипа. — Врача! Живо!

К ним тут же бросились люди. Мирная суeta лагеря в секунду превратилась в хаос. Ричард мгновенно вскочил на ноги и, забыв о разговоре, рванул к воротам.

— В лазарет их, срочно! — прорычал Майкл, передавая раненого подхватившим его парням.

Томас встретил их на полпути. Его лицо превратилось в непроницаемую маску, но глаза горели яростью.

— Что, чёрт возьми, случилось? — Его голос был натянут, как струна перед обрывом.

Майкл остановился перед ним. Он тяжело дышал, с его подбородка капала кровь впере-
мешку с грязью. Он стиснул зубы так, что послышался скрип, и посмотрел другу прямо в глаза.

— Засада. Они зажали нас. Напали внезапно, мы даже развернуться не успели.

— Кто? Дроны? — быстро спросил Томас, уже прикидывая радиус угрозы.

Майкл медленно, с какой-то горькой обречённостью покачал головой.

— Люди.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.